

Советская система и нищета политологии (СССР сквозь призму некоторых политологических схем)

А. И. ФУРСОВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
ИНСТИТУТ СИСТЕМНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА, Г. МОСКВА)

В статье анализируется применимость ряда базовых концепций и понятий западной политической науки для анализа советского общества. Речь идет о таких схемах, как «новый класс», «государство-класс», «государство-партия», «партократия» и т. п. Базовые понятия и теории западной науки об обществе в целом и политологии в частности формировались как отражение определенного типа социальной реальности — буржуазной западноевропейской. Для нее характерно взаимообособление экономической, социальной и политической сфер, власти и собственности, религии и политики и т. д. Все это определило дисциплинарную структуру и понятийный аппарат современной науки об обществе. Однако возникает проблема применимости дисциплин и понятий, отражающих реальность буржуазного ядра капиталистической системы и самой этой системы в целом, во-первых, за пределами этого ядра, во-вторых, к некапиталистическим системам, будь то докапиталистические или системный антикапитализм (СССР).

Интерпретация советской номенклатуры как класса, аналогичного, например, буржуазии в капиталистическом обществе, наталкивается на тот факт, что номенклатура не имела собственности на вещественные факторы производства. «Собственнические» («классовые») качества и функции не были отделены от властных. Попытки выйти из положения с помощью *ad hoc* термина «государство-класс» приемлемы лишь с описательно-метафорической точки зрения.

Аналогичным образом обстоит дело с «этатизацией» исторического коммунизма. То, что называют «советским государством», было не просто первичным собственником, но единственным, что в принципе совершенно не характерно для государства как институ-

та — у него другие функции. Государство (*state*) — по определению «частичное» явление, существует в качестве элемента оппозиций «государство-класс», «государство — гражданское общество». Если государство охватывает общество в целом, растворяет его в себе, то оно исчезает как государство и превращается в иной, негосударственный тип власти.

Аналогичным образом обстоит дело с попытками «политизировать» советское общество (схема «господство политики над экономикой») или трактовать его как социум, во главе которого стоит партократия.

Адекватный анализ советского общества требует теории и дисциплины, отражающей природу этого общества, а не напяливает на них внеположенные им схемы. В противном случае исследование будут носить контрпродуктивный характер.

Ключевые слова: исторический коммунизм, системный антикапитализм, новый класс, государство-класс, государство-партия, партократия, советская система, советское общество.

I

После разрушения СССР в Россию хлынул поток теорий и концепций западной обществоведческой науки, наиболее модной среди которых оказалась политология. Ее схемы и понятийный аппарат стали активно использовать для объяснения и описания советского опыта, который сквозь призму политологических понятий и в рамках политологических схем неизбежно оказывался чем-то неполноценным, ущербным, не дотягивающим до нормы. И это неудивительно, поскольку нормой западная наука, будь то политология или социология, объявляет западное общество в его буржуазном виде (как правило — в англо-американском варианте). А как может быть иначе?

Во-первых, западная наука об обществе формировалась как интеллектуальная рефлексия по поводу именно буржуазного общества с характерным для него наличием и взаимообособлением экономической, социальной и политической сфер; с отделением друг от друга власти и собственности, религии и политики и т. п.

Но как быть с обществами — а это все некапиталистические общества, как докапиталистические, так и системный антикапитализм (СССР, соцлагерь), — для которых эти взаимообособление и разделение не характерны? Ясно, что здесь западные схемы не просто неприменимы, а контрпродуктивны.

Во-вторых, западная наука об обществе не является социально, ценностно и идеологически нейтральной. В нее встроены социальный (классовый) интерес хозяев той социальной системы, элементом которой она является, ценности буржуазного общества и идеологические установки. По сути, обществоведческое знание выступает как власть-знание — то, что М. Фуко называл *rouvoir-savoir*. Наиболее четко властная природа обществоведческой науки Запада проявилась в изучении незападных обществ, прежде всего Востока. Э. Саид специально подчеркивал тот факт, что главной задачей ориентализма была «ориентализация Востока», т. е. представление его в качестве статичного, неспособного к развитию (последнее отождествлялось только с развитием западного, англо-американского типа). Ясно, что ориентализм служил средством интеллектуального обеспечения господства Запада над Востоком. Незападному миру, будь то Восток или Россия, западная наука предлагала только один вариант — отказ от самобытности и вестернизацию под видом модернизации. На практике это означало установление контроля со стороны западного капитала, формирование компрадорских социальных слоев, которые смотрят на мир и на самих себя западными глазами, говорят на языке западной науки. Вполне логично, что после разрушения СССР наряду с финансово-экономической оккупацией страны в 1990-е годы началась и научно-идеологическая оккупация. Западные фонды с помощью грантов, стипендий и т. д. начали активно создавать в РФ компрадорскую науку, наиболее активно — в сфере политологии. Схему за-

падной политологии, переживающей серьезный кризис, чаще всего воспринимали некритически — так, будто оно адекватно отражает реальность вообще (а не исключительно буржуазную реальность) и свободна от встроеного в нее классового и геополитического интереса тех сил, для которых Россия была, есть и будет главным геополитическим и цивилизационным противником. К сожалению, у нас за редчайшими исключениями не было сделано попыток критического присвоения западной политологии, ее деидеологизации, разворота ее в сторону цивилизационных и геополитических интересов России. И это при том, что неадекватность схем и понятийного аппарата западной (буржуазной) политологии для анализа развития небуржуазной России и антибуржуазного СССР была вполне очевидна.

Цель данной статьи — показать на нескольких примерах неадекватность терминов и схем западной политологии для концептуализации советского общества — реального коммунизма. В ходе этой концептуализации серьезные проблемы возникают, как только к советской системе применяются термины «класс» («новый класс» М. Джиласа), «государство» («всеохватывающее государство», «государство-класс», «государство-партия»), «бюрократия» («бюрократический капитализм», «тоталитарная бюрократия»), «политика» («господство политики» над экономикой, над обществом и т. п.), «партия» («партократия»), «идеология» («господство идеологии» над экономикой, над обществом; «идеократия») и т. д.

Употребление этих терминов и связанных с ними концепций оборачивается серьезными трудностями, прежде всего — теоретико-методологического характера, а также конкретно-исторического. Использование этих понятий даже для описания исторического коммунизма сталкивает их друг с другом, а порой просто ведет к взаимоисключению. Кроме того, описание коммунистической реальности в указанных терминах-понятиях-концепциях затрудняет, если не исключает вовсе, их дальнейшее использование в качестве характеристик капиталистической реальности, для анализа которой и как отражение которой они были сконструированы. В ходе и после «коммунистического употребления» понятия, приведенные выше, растягиваются, теряют форму и содержание, растворяются, становятся невидимками. Коммунизм как понятие и реальность становится для них камнем преткновения, нулем, после «умножения» на который они исчезают, превращаются в ноль, в ничто.

Показательный пример: пара «класс — государство», картина «исторического коммунизма» как классового общества, где в качестве господствующего класса выступают номенклатура, государственное чиновничество, «госкапиталисты».

Если пользоваться термином «класс» в широком, нестрогом смысле, так сказать, импрессионистски, то, разумеется, в коммунистическом социуме, как и в любом другом, можно выделить некие классы. Если же под представителями «класса» понимается персонификатор той или иной формы собственности на материальные (предметно-вещественные) факторы производства, то «классовая» модель комстроа оказывается проблематичной.

В обществах «реального коммунизма» господствующие группы никогда юридически не фиксировали свои собственнические права на материальные факторы производства, а ведь без этого собственность невозможна. Собственность — правовое отношение, иначе мы имеем дело с чем угодно, от распоряжения до кражи, но не с собственностью. Внезаконный характер системообразующей власти в коммунистическом обществе исключал возможность реализации ее как собственности; это было распоряжение юридически незащищенным имуществом, его распределение, перераспределение и использование. Защитой служила Власть, общественная власть, неотличимая от общественной собственности. «Отпадавший» от власти отпадал и от распоряжения имуществом.

Не обладая собственностью на материальные (предметно-вещественные) факторы производства, господствующие группы комстроа выступали вместе со всем остальным населением как не-собственники указанных факторов производства. Это было дополнительным

средством социального камуфляжа эксплуататорского и неэгалитарного характера общества, придававшим некое реальное содержание, некую рациональность лозунгу «Народ и партия едины!» Да, едины, как не-собственники материальных факторов производства.

II

В деятельности (бытии) господствующих в коммунистическом обществе групп «собственнические» («классовые») функции не были отделены от «властных» («государственных»). Классовость в строгом смысле слова есть реализация господствующей группой собственнических экономических функций, прежде всего властных, политических. В основе комстрой лежало единство власти и собственности («базиса» и «надстройки», «классовости» и «государственности»). «Спасительный» термин «государство-класс» — это нечто вроде «квадратуры круга». Ясно, что феномен, который заярлычили этим похожим на тянитолкая термином-уродцем, — нечто отличное как от государства и класса, так и от них «вместе».

И последнее. Классовость и эксплуатация классового типа складываются по поводу предметно-вещественных факторов производства, о которых уже было сказано выше, и по поводу рабочей силы, выступающей как товар. Совершенно ясно, что в коммунистической системе рабочая сила не была товаром, а трудящиеся не были индивидами, свободно распоряжавшимися своей рабочей силой как товаром. То есть и по этой линии мы не можем говорить о классовости, комстрой действительно был бесклассовым обществом — бесклассовым, неэгалитарным, эксплуататорским обществом.

Тот факт, что комстрой не знал иного господствующего «класса», иного «собственника», кроме «государства», и иных «классовых» функций, кроме «государственных», не позволяет использовать в анализе исторического коммунизма и термин «государство» (state).

То, что называют «государством» в коммунистических обществах, было собственником не только системообразующим, но и фактически единственным. Это никак не проходит в качестве «государственной собственности» — и не только потому, что собственность не может быть неправовой, внезаконной. Дело в следующем. При капитализме «государство» может выступать собственником, но, как правило, — вторичным. Однако помимо него есть и другие собственники. Отсутствие других «собственников» в коммунистическом социуме означает, помимо прочего, совпадение собственности и социума, а поскольку собственность совпадает с властью, то в равной степени власти и социума. В такой системе ни «государство», ни «государственная собственность» не только невозможны, но и не нужны; такая система воспроизводит себя иначе и по иным законам, чем классовые, государственные и собственнические. Кто-то может возразить: не надо усложнять, на самом деле все просто — государство съело, поглотило общество, а если говорить о «гражданском обществе», то его просто уничтожило.

Но если государство уничтожает «гражданское общество», если оно поглощает общество в целом, оно перестает быть государством, отмирает как государство и превращается в иную, анти- (и вне-) государственную форму власти. Что и произошло в обществах «исторического коммунизма». И. В. Сталин был прав, когда в «Вопросах ленинизма» писал, что в СССР государство отмирает не по мере и в результате постепенного ослабления его функций, как это предполагали относительно коммунистического общества Маркс и Энгельс, а путем его максимального усиления. Разумеется, формулируя свой тезис, Сталин решал свои конкретные задачи, но в общей оценке он, повторю, оказался прав: «государство везде» — это «государство нигде»; государство, задушившее общество в объятиях, — мертвое государство; а точнее — завеса, за которой скрывается качественно иной тип организации власти, антигосударственный, внегосударственный по своему характеру. Государство, усилившееся до «всеохватности», перестает быть государством. В равной степени государ-

ство, освободившееся от негосударственных, например классовых, форм как ненужных привесков, тоже утрачивает государственную сущность. В. В. Крылов однажды заметил, что октябрь 1917 г. в России можно понять «как процесс «очищения» государства (рассматриваемого в качестве основного субъекта русской общественной жизни) от всех исторически «прилипших» к нему социально-экономических «ракушек»» (Крылов, 1972: 30). Но подобное «очищение» очищает государство от себя самого как субстанции, от государственной сущности.

Государство, будучи «частичным» явлением, существует только в качестве части, элемента той или иной социальной оппозиции: «государство — класс», «государство — гражданское общество». Исчезает один из контрагентов, исчезает оппозиция — исчезает и оставшийся контрагент. Однако мы психологически настолько привыкли к тому, что мир, жизнь без государства невозможны, что готовы любую более или менее сложную систему управления, любой аппарат власти квалифицировать как государство, нарушая принципы системности и историзма.

Здесь не место детально анализировать проблему такого явления, как государство, и вопрос его трактовки в либеральной и марксистской традициях. Однако некоторые аспекты этой проблемы и этого вопроса хотя бы вкратце — настолько, насколько это необходимо для раскрытия темы данной статьи, — придется затронуть. Тем более что в интерпретациях «исторического коммунизма» как социальной системы (или более конкретно — социальной природы советского общества) «государствоцентричные» подходы в их различных модификациях, прямых или опосредованных, оказываются очень распространенными.

Не будем далеко ходить, возьмем стандартную «The Social Science Encyclopedia». «Государство» в ней определяется двояко. Во-первых, в самом широком смысле — это «любая самоуправляющаяся группа людей, организованная таким образом, чтобы выступать по отношению к другим в качестве единой. Это территориальная единица, управляемая суверенной властью» (The Social ... , 1985: 818).

Во-вторых, в более узком и точном смысле слова «государство» — это «форма централизованного гражданского правления, которая развивается в Европе с XVI в.» (там же: 819).

Далее государство современной Европы противопоставляется большинству других государств как правление на основе законов правлению на основе обычая.

Если само выделение «современного государства» как *state*, *nation-state* (или *lostato*, если обращаться к оригиналу, к Макиавелли, «запустившему» этот термин) и противопоставление его другим формам представляется не только оправданным, но и необходимым, то концептуализация отличия вызывает сомнения — эмпирически она верна, но явно недостаточна, как недостаточно любое индуктивное знание, фиксирующее (как правило, частности), но не объясняющее различия (или сходство, короче — суть). Аналогичным образом не удовлетворяют такие «объясняющие противопоставления», как «рациональное государство» — «традиционное государство» и т. п. В то же время ясно, что новоевропейскому государству как *state* (*nation-state*) действительно нет аналогов среди форм властной организации.

Суть в следующем. В докапиталистических обществах главным объектом присвоения, конституирующим присваивающего субъекта, являются природные производительные силы (не путать с географическим фактором). В отличие от присвоения овеществленного труда или обмена его на рабочую силу присвоение не созданных трудом, а данных природой сил, будь то земля или тело человека, требует отчуждения у него воли. Иными словами, производственные отношения в докапиталистических обществах носят внеэкономический характер — социальное насилие встроено в них. Поэтому ни рабовладелец, ни феодал, ни коллективный господин (каста, клан, племя, отнимающие волю у другого коллектива) не

нуждаются в государстве/state, т. е. в том институте, который худо-бедно существует в современном мире. У господствующих групп докапиталистического общества нет потребности в государстве. Такая потребность возникает только с капитализмом. Дело в том, что производственные отношения капиталистического общества носят экономический характер добровольного обмена рабочей силы на овеществленный труд. Превращение производственных отношений в экономические оставляет в «свободном полете» непродуцированную внеэкономическую сферу, т. е. все то, что ранее было связано с социальным контролем и обеспечивалось производственными внеэкономическими отношениями. Результат — социальный хаос, социальный ад XVI–XVII вв., взрыв социального насилия на всех уровнях. И, естественно, запрос на институт-регулятор социального насилия. Государство в строгом смысле и есть сфера социального (внеэкономического) насилия, обособившаяся от производственных отношений и функционирующая в качестве легитимной на определенной территории, вступая в отношения с другими такими сферами. Окончательно превращение государства в базовую единицу властной организации капиталистического мира, отделенную от других сфер, зафиксировали на рубеже 1640–1650-х годов Вестфальский мир и «Левифан» Гоббса.

Первоначально *lostato* было лишь продуктом разложения феодализма, как и капитал. Эволюция и комбинация прежде всего двух этих, а также некоторых других явлений, приобретение ими новых функций и породили на свет феномен капитализма, в котором государство выступает хотя и относительно автономной, но функцией капитала. Такой тип связи оформился не сразу: государство и капитал сближались постепенно, сойдясь примерно во второй половине XVIII в., между двумя мировыми войнами — Семилетней и наполеоновскими. Именно в этот период установилось характерное для капитализма правило: мировой экономический гегемон автоматически является гегемоном политическим. В «докапиталистическом» мире дело часто обстоит диаметрально противоположным образом, международная политическая и экономическая гегемонии не совпадали.

Подведем итоги: государство в строгом смысле слова возможно лишь при капитализме как властная структура, выделившаяся из производственных отношений и принявшая политическую (т. е. более или менее мягкую) форму социального насилия. Властные структуры комстрога под это определение не подходят. Более того, они возникли как отрицание типа *lostato*, т. е. не подходят вдвойне — ни содержательно, ни генетически. Поэтому все разговоры о «всесилии государства» при коммунизме, о его всеохватывающем характере — это метафора. И не более. Причем метафора не самая удачная.

III

Трещат по швам не только схемы, «этатизирующие» коммунизм, но и «политизирующие» его, постулирующие примат политики над экономикой как характерную черту реального коммунизма. И здесь опять все зависит от определения. Если политика — это всего лишь борьба за власть, то политика родилась вместе с *Ното sapiens* и с ним умрет (если умрет). Если же власть и политика — не одно и то же; если это специфически историческое явление, ограниченное в пространстве и времени, т. е. имеющее начало и конец, то это совсем другое дело. Так, мы знаем, что капиталист и рабочий могут вступать друг с другом в политические отношения. А раб и рабовладелец? Крепостной и феодал? Низшие и высшие касты в докапиталистической Индии? Нет, не могут. Почему? Суть, представляется, в следующем.

Политика, политические отношения суть такие, обе стороны которых — субъекты. Отношения власти (принуждения, господства-подчинения) между господином и рабом, феодалом и крепостным не являются политическими, поскольку воля раба и крепостного, как уже говорилось, отчуждена внеэкономически и в рамках системообразующих производственных

отношений, они — не субъекты, а потому не могут быть агентами политических отношений. Следовательно, политика, политическая сфера здесь для регуляции данных отношений вообще не нужна и не имеет места быть. Условием и необходимостью возникновения политики, политической сферы, равно как и государства, является замена внеэкономических производственных отношений экономическими, т. е. разложение феодализма и возникновение капитализма, когда в условиях рынка агенты производственных отношений противостоят друг другу не как господа и подчиненные, а как независимые, свободные индивиды, свободные владельцы, а точнее — частные собственники и продавцы капитала или рабочей силы. Поскольку экономическая сфера общества обособляется от общественного целого, здесь-то, повторю, и возникает необходимость регуляции, неэкономических и непродовственных отношений (раньше эта регуляция была единой) и, следовательно, необходимость особого инструмента, особой автономной и институционально оформленной для достижения этих целей сферы: *homo economicus* возник одновременно с *homo politicus*, это две стороны одной медали. Такой сферой и стала политика, которая, следовательно, есть «частичный» (или «частный») регулятор общественных отношений — в отличие, например, от отношений господства-подчинения, имеющих «тотальный», «синтетический» характер. Разумеется, предпосылки политического вызревали при феодализме — максимально индивидуализированном и приближенном к капитализму не только хронологически, но и типологически строе.

Эти предпосылки можно увидеть в «средневековом конституционализме» (Downing, 1989), в уникальной церковно-государственной политической структуре средневековой Европы (Zolberg, 1980) с вытекающими отсюда формами соотношения между гражданскими и военными институтами (Downing, 1988; Pettengill, 1979) и типами их изменения (Eisenstadt, 1980; 1987), в особом и не имеющем аналогий ранненовоевропейском треугольнике «индивид — группа — государство» (Daalder, 1987) и во многом другом. И все же прямая связь между государственно-политическими формами эпохи капитализма и формами организации власти в феодальной Европе отсутствует. Между ними — разрыв, социальная революция; политико-юридическое сознание и формы Нового времени вырастают скорее из протестантизма и из конструктивного отрицания предшествующего социального опыта, чем непосредственно из последнего (Соловьев, 1983). Государство, капитал, гражданское общество — все это рождается в борьбе на руинах феодального строя. Капитализм с его дифференцированными друг от друга и «частичными» и специализированными по содержанию и функциям сферами (экономика, политика, гражданское общество, идеология) и институтами возник как революционное отрицание строя, основанного на неполной расчлененности власти и собственности; другое дело, что капитализм мог возникнуть как отрицание, конструктивное преодоление только этого строя — европейского феодализма [собственно, других «феодализмов» и не было; феодализм — явление европейско-цивилизационное (Фурсов, 1992)].

При всех различиях между моделями и формами «завершенного» (и «завершенности») государства политическая (государственно-политическая) власть есть власть частичная (а не всеохватывающая) и специализированная; это не власть вообще, а власть, охватывающая часть общества и делающая это посредством специализированных социальных (властных) технологий.

«Исторический коммунизм», коммунистическая власть, будучи всеохватывающей, т. е. распространяющейся в равной степени на социальную сферу, «идеологию» и т. д., — на общество в целом, и в то же время не специализированной, а социально-гомогенной, не только качественно отличается от политической власти в содержательном отношении как некая альтернатива. Так дело обстоит с «докапиталистическими» обществами. Отличие власти в комстрое носит генетический и функциональный характер: она возникает как отрицание

политики, политической власти и функционирует как самовоспроизводящийся процесс такого отрицания. Коммунизм есть строй внеполитический и одновременно вдвойне антиполитический. Термин «политика» скорее может быть употреблен по отношению к феодализму или к античности, чем к коммунизму.

IV

Несоответствие реальности комстрою терминов «государство» и «политика» автоматически ставит под сомнение применение к этой реальности термина «бюрократия». Что такое «бюрократия»? Здесь, как и по вопросу о государстве, возможны два ответа. Если бюрократ — это вообще любой чиновник, любой администратор и управленец, то бюрократия возникла как минимум со времен Шумера. Именно так трактует бюрократию известный социолог Ш. Эйзенштадт в ставшем классическим труде «Политические системы империй», который, по словам его автора, задуман как «анализ политических систем исторических (несовременных. — А. Ф.) бюрократических империй» (Eisenstadt, 1963: 3–4). В рамках этого типа, хотя и с некоторыми оговорками, Ш. Эйзенштадт рассматривает самые различные образования: от европейских обществ XVIII в. до кочевых государств, империи инков и восточных деспотий. В результате «бюрократия» получает статус универсального всевременного понятия. Аналогичный подход, который можно представить как «бюрократия везде», нередко встречается и в работах отечественных авторов, поскольку его простота делает его привлекательным.

Однако каждое приобретение есть в чем-то и потеря: подход «бюрократия везде» ставит исследователя с целым рядом проблем — как реальных, так и ложных, запутывает его. Например, трактовка административно-управленческого персонала всех послепервобытных обществ как бюрократии ставит ученых перед вопросом: почему в одних случаях и в одних обществах бюрократия способствовала развитию, направляла его или даже руководила им, а в других — тормозила или препятствовала? Например, в неудачной модернизации Китая XIX в. многие исследователи винили косную китайскую бюрократию. Японской же бюрократии отводят роль главного модернизатора после реставрации Мэйдзи. Аналогичным образом неудачи СССР в 1970–1980-е годы списывались на бюрократическую систему. В то же время подъем, успехи Западной Европы и США в XIX–XX вв. часто приписывают наличию именно развитой бюрократической системы. Для того чтобы объяснить эти различия, выдвигались разнообразные теории *ad hoc*, на самом деле уводящие от существа вопроса и не позволяющие заметить как главное в нем, так и неверную его постановку, связанную с отождествлением бюрократии с чиновничеством.

Представляется, что бюрократ есть социальный агент, персонификатор только административной (будь то государство, политическая партия или ТНК) власти, которая содержательно отделена от собственности, носит «частичный» и высокоспециализированный («рациональный») характер.

Социальный агент, в руках которого, как при комстрое, находится не просто административная, а одновременно экономическая, политическая и идеологическая власть, причем не суммарно, не как сумма «частных специализаций», а как целостная неоднородность (или однородная целостность), как социальная власть вообще, — кто угодно, но не бюрократ¹. Многие проблемы комстрою связаны не с засильем бюрократии, а с ее отсутствием, с тем, что вместо «рациональных администраторов» функционировали принципиально иные социальные агенты. Запутывает ситуацию и термин «административно-командная система» (АКС), которым с легкой руки Г. Попова в перестроечное время стали характеризовать «исторический коммунизм». По сути, почти все исторические системы власти (не говоря о «докапитализмах») в той или иной степени являются административно-командными. Империя

инков и китайские империи, Римская империя и Пруссия XVIII в., Вторая империя во Франции и Османская империя, Российская империя и СССР. А разве Ост-Индские компании, транснациональные компании или государственные компании США — это не АКС? Еще как, особенно если речь идет о Франции или Германии, да и США с Великобританией не отстают. Ну а в Японии и Южной Корее и частные компании — это без вопросов АКС. Для схемы АКС «исторический коммунизм» — ускользящая натура. Как, впрочем, и другие типы обществ, поскольку схема эта скользит по поверхности.

V

Но, может, термин «партократия» лучше передает суть дела? Или формулировки типа «партия подчинила государство», «партия растворила в себе государство, присвоила себе его функции»? Есть и такая политологическая интерпретация. О негосударственном характере власти в системе «исторического коммунизма» уже сказано выше. Непартийный характер этой власти, на мой взгляд, еще более очевиден.

Термин «партия» происходит от слова «part», «part» — часть (чего-либо). Партия — это, во-первых, частичное, а не тотальное явление; во-вторых, явление политическое; в-третьих, явление правовое. Если перед нами всепроникающее, всеохватывающее и всерегулирующее явление, то оно никак не может быть партией по определению. Дело не меняется от того, что в это всеохватывающее явление, в некое целое, превратилось то, что раньше было частью. Значит, в процессе превращения эта часть, партия («партия нового типа») отмерла и была уничтожена. Например, в СССР, придя к власти и тем самым реализовав все свои цели, а следовательно, и самое себя, «КПСС» (РКП(б) — ВКП(б) — КПСС) перестала и должна была перестать быть «партией», даже «нового типа», так как уже *ни в каком смысле* она не была частью чего-то внеположенного себе, большего, чем она сама. Напротив, завоевав власть, КПСС — в тенденции — стала Целым, системообразующим началом. Разумеется, это произошло не сразу, а в ходе и по мере заполнения большевиками всех секторов, всех организационных форм российского социума. Растворяясь в них, а точнее — растворяя их в своей организации, перерабатывая их, создавая одни, убивая другие и самоуничтожаясь как «партия», «КПСС» в то же время уничтожала эти секторы и формы как качественно особые. Результатом такой социальной аннигиляции и самоаннигиляции и стал комстрой как система клеток и органов социально однородной власти, в котором ячейка власти и ячейка производства совпадали. Главным же органом этого строя была КПСС, но не как партия, а как некое явление «КПСС».

С понятийно-теоретической точки зрения «государство-партия» или «партия-государство» — такой же беспомощный термин, как «государство-класс». Комстрой, будь то СССР или другая страна, демонстрировал не просто единство «партии» и «государства» — для этого они должны существовать как таковые, без кавычек, обособленно друг от друга, — а наличие некой целостности, гомогенизовавшей, переварившей в себе «партийность» и «государственность» и превратившей «партию» и «государство» в однородные и однокачественные функциональные органы этой однородной целостности. Во многом прав был Л. И. Брежнев, уподобивший партию сердцу в организме (Конституция ... , 1978: 94).

В рамках «организмической» диктатуры разница между «государством» и «партией» исчезала. Поэтому неудивительно, например, что до 1991 г. валютные средства для КПСС, как сообщил бывший главный, но, кажется, слишком разговорчивый «казначей партии» Н. Е. Кручина, ежегодно предусматривались централизованно Госпланом и Минфином (Стенограмма парламентских слушаний ... , 1991: 52) — единая казна, в которой нет разницы между «партийными» и «государственными» карманами: «Я сдал все гонорары *государству* (выделено мной. — А. Ф.). Все деньги до копейки, до цента» (Коротич, 1992: 7), говорил М. С. Гор-

бачев в 1992 г., поясняя, что деньги сдавал в кассу *Управления делами ЦК КПСС* Н. Е. Кручине! Ясно, что в такой ситуации крах КПСС должен был повлечь за собой и распад «государства» СССР; хотя, возможно, и не в такой форме, в какой это произошло. Об этом говорят и коммунисты, например Г. А. Зюганов: «Сломав партийный стержень, державу превратили в разбегающиеся галактики» (Зюганов, 1992: 11). Поэтому, на мой взгляд, дата 23 августа 1991 г. 17 ч. 09 мин. по московскому времени (фактический запрет компартии) важнее даты 25 декабря 1991 г. 10 ч. 45 мин. (прекращение существования СССР), первая определяет вторую, а не наоборот: «сердце» перестало биться, и через какое-то время «тело» остыло.

О неполитическом характере власти, социальной системы «исторического коммунизма», исключая партийность — в том числе и того, что именует себя «партией», т. е. партийность как принцип, уже говорилось выше. Поэтому здесь отмечу лишь те неразрешимые противоречия, в которые попадали «идеологи» коммунистического режима, когда пытались приписать политический характер «историческому коммунизму». Пример — Конституция 1977 г., так называемая «брежневская конституция». В ней трактовка КПСС, ее роли и места в обществе представлена иначе, чем в «сталинской» («бухаринской») Конституции 1936 г. Последняя в фиксации неполитического характера коммунистической власти и непартийного характера КПСС по-своему была более честной и откровенной, а поэтому — менее противоречивой. В Конституции 1936 г. компартия, определение которой как «руководящего ядра всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» (Конституция ... , 1978: 242), упоминается только в ст. 126, в гл. X «Основные права и обязанности граждан». То есть в главе, регулирующей социальное поведение индивидов, а не в главе об общественном устройстве и «политическом строе», первой по порядку.

В Конституции 1977 г. (ст. 6) роль и место КПСС формально трактуются несколько иначе. «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия» (Конституция ... , 1985: 8). Здесь есть два отличия от Конституции 1936 г. Во-первых, среди тех институтов, ядром которых является КПСС, возникает понятие «политическая система». Во-вторых, сама статья в Конституции 1977 г. помещена в главе первой («Политическая система») первого раздела («Основы общественного строя и политики СССР») Конституции. Авторы Конституции 1977 г. попытались приписать КПСС политические функции и даже включить ее в некую политическую систему. В результате возникала иллюзия политического характера власти КПСС. В то же время закрепление КПСС в Конституции обосновывалось ее политическим определением. Таким образом, возникала ситуация погони собаки за своим хвостом.

Вот так мстит реальность за попытки втиснуть ее в прокрустово ложе понятий, терминов, определений, которые неадекватны и даже чужды ее природе.

Партия как форма организации политической жизни может существовать только при наличии права, которое, как известно, бывает частным и публичным. Так, партия, помимо прочего, есть «корпорация публичного права». Как уже говорилось, именно таким образом зафиксировали свой правовой статус после прихода к власти нацисты в «Законе об обеспечении единства партии и государства». Это позволяло Национал-социалистической немецкой рабочей партии (NSDAP) функционировать в качестве легитимной партии внутри легитимного порядка, правового института — внутри правового порядка, т. е. обладать статусом юридического лица, владеть имуществом на законном основании (т. е. быть собственником). Не случайно в послевоенной юридической и политической западногерманской литературе деятельность режима Третьего рейха квалифицируется как «узаконенное беззаконие» («das gesetzliche Unge-setz»). В отличие от этого коммунистические режимы можно охарактеризо-

вать как «внезаконное беззаконие», поскольку большевики, придя к власти, вообще стерли различие между публичной и частной сферами, отрицая право в принципе: «коммунистическая партия», власть в лице ВКП(б) — КПСС определяла право, его задачи, а уж это последнее должно было служить их решению. Вот как трактовался этот вопрос теоретиками «советского права»: «Основное назначение советского социалистического права в период развернутого строительства коммунизма состоит в том, чтобы... служить решению задач коммунистического строительства, намеченных в программе КПСС» (Общая теория ... , 1966: 10). И далее: «Важнейшим принципом правотворчества в советском государстве служит руководство коммунистической партии Советского Союза... Конкретные решения коммунистической партии по вопросам государственного и хозяйственного строительства кладутся в основу важнейших правовых актов советского общенародного государства. *Организуя и направляя правотворчество советского государства, ЦК КПСС непосредственно участвует в принятии важнейших нормативных актов* (выделено мной. — А. Ф.)...» (там же: 14).

Организовать и направлять разработку законов — значит быть над ними, быть их демигургом. Понятна ярость Хрущева, с которой он обрушился на Генерального прокурора СССР во время суда над Рокотовым, Яковлевым и Файбышенко. Прокурор попытался робко объяснить, что нельзя несколько раз менять законы во время суда, чтобы подвести подсудимых под расстрел. Окрик последовал незамедлительно: «Мы (читай: ЦК КПСС. — А. Ф.) над законами или они над нами?» Приведенная выше цитата о роли ЦК КПСС в законотворчестве дает ясный ответ на вопрос (впрочем, риторический) Хрущева. Конечно, ЦК КПСС.

И еще цитата: в процессе изложения законодательства «находит свое выражение *экономическая политика коммунистической партии, опирающейся на познанные ею законы экономического развития*» (выделено мной. — А. Ф.)» (там же: 24). Право определяется властью на основе открытых ею законов развития! Это уже не право, а Перст Разума.

Но вернемся к советскому праву. Его доктрина не исключала, что общественные организации могут выполнять определенные правотворческие функции, однако наличие таких функций всегда обуславливалось делегированием со стороны «государства», т. е. прямым поручением, закрепленным в нормативном акте. Например, Постановление СНК от 21 августа 1934 г. ВЦСПС было предоставлено право издавать инструкции, правила и разъяснения по применению действующего законодательства о труде с утверждения или предварительной санкции государства (Собрание узаконений ... , 1934: ст. 342). Однако, во-первых, применительно к правотворчеству отношения «государство — общественная организация» и «государство — партия» носят диаметрально противоположный характер: в первом случае «общественная организация» выполняет конкретное поручение государства, во втором — «государство» выполняет поручение или, точнее, оформляет волю «партии». С самого начала истории коммунистического режима ЦК партии мог отменить решения Совнаркома; в соответствии со ст. 2 Закона о Совете Министров (от 5.07.1978) Совет Министров осуществляет деятельность в пределах своей компетенции «в соответствии с решениями Коммунистической партии и главными задачами социалистического общенародного государства» (Девятая сессия ... , 1978: 183–184); из этого же ряда дублирование отделами ЦК КПСС соответствующих министерств и ведомств, отмененное только в 1988 г.

Во-вторых, ВКП(б) — КПСС не была ни общественной, ни, как уже говорилось выше, легальной организацией. До самого конца перестройки КПСС не подпадала под действие единственного общенормативного акта, регулирующего положение общественных организаций, а именно «Положения о добровольных обществах и союзах» (утверждено Постановлением ВЦИК и СНК 10 июля 1932 г.). Статья 15 этого Положения, в частности, предусматривала, что добровольное общество «считается организованным и пользуется правами юри-

дического лица» (Собрание узаконений ... , 1932: ст. 331) только со дня утверждения его устава государственным органом. Устав КПСС никаким государственным органом не утверждался. КПСС как организацию никто (т. е. государство) вообще не разрешал, да и как, и кто может разрешить организацию, провозгласившую себя «высшей формой общественно-политической организации... советского общества» (Устав КПСС, 1986: 3; см. также: Юридический словарь, 1953: 396)?! За пределами конституционной нормы (ст. 126 Конституции 1936 г. и ст. 6 Конституции 1977 г.), не имеющей, впрочем, никакого конкретного правового содержания, статус КПСС не был никак определен по контрасту с нынешней КПРФ, которая, в отличие от КПСС, является партией и в этом смысле не есть наследник КПСС, наследник по прямой — президентские структуры, у которых, как и КПСС, довольно сложные отношения с конституцией и законом.

В СССР не было закона и о «соседях» — о КГБ. Впрочем, реальной конституцией СССР был Устав КПСС, реальными законами — подзаконные акты и инструкции, многие из которых не полагалось знать даже представителям самих правоохранительных органов! Как заметил Е. К. Лисов, «работники КНБ в большей степени руководствовались в своей работе не законами, а инструкциями и положениями, и они все были засекреченными не только от общественности, но и от прокуратуры» (Стенограмма заседания ... , 1992: 37). Иными словами, зафиксированные советским же правом и советской конституцией административно-правовые органы, их представители не знали (и не имели права знать) тех правил, в соответствии с которыми функционировал главный репрессивный орган комстроа.

Нелегальная (или внелегальная) с точки зрения советского права и вовсе даже не общественная (а какая?) организация устанавливает свои правила, подменяет ими законы и, мало того, секретит их от тех, кто должен защищать законы. Абсурд? Отнюдь нет. Логика строя и власти, развивающихся в соответствии с иными, нежели правовые, принципами и ценностями. И иерархия этого строя была такова, что чем более высокую ступень занимала в ней та или иная организация, чем выше был ее властный статус, тем менее она определялась и охватывалась правом, законами, тем меньше она была определена юридически, и наоборот.

Ну а самый верх, системообразующий элемент, вообще был вне законов и над ними. Справедливости ради необходимо отметить, что неподвластность, неподчиненность законам характерна для русской власти как особого субъекта исторического развития с момента его рождения в процессе Великой Самодержавной Революции 1517/65–1649 гг. Долгое время единственным ограничением этой власти была удавка; первым *формальным* ограничением стал Акт о престолонаследии несчастного Павла (от 5 апреля 1797 г.). Как показывает история России, *реальное* ограничение или самоограничение русской власти — вещь нетипичная и относительно кратковременная; происходит оно, как правило, в периоды ослабления конкретной структуры русской власти и перехода от одной структуры к другой (например, периоды 1905–1917; 1988–? гг.). В этом смысле комстрой представлял собой, пожалуй, лишь массовую и крайнюю, почти законченную (высшую) форму русской власти, ограничивающую «остальное» общество во всем, вплоть до знания правил функционирования этой власти, и противостоящую этому «остальному» обществу как ограничиваемому не в свободе (что предполагает наличие права), а в воле: как воплощение воли (произвола) — воплощению обезволения (отсутствия возможности произвола). При этом, однако, подчеркну еще раз: нужно помнить, что коммунистическая форма русской власти возникла на основе и посредством отрицания капитала, капитализма, с помощью его же функциональных форм и развивалась как процесс этого отрицания, как антикапитализм. А следовательно: антикласс, антигосударство, антиполитика, антиправо. И антиидеология.

Термины «идеократия», «логократия», конечно, красивы, но, к сожалению, бесполезны для исследования «исторического коммунизма». Причина проста: то, что именуют «марк-

систско-ленинской идеологией» или «коммунистической идеологией», при внешнем, поверхностном сходстве с идейными системами оказывается по своей сути чем-то не просто намного большим и важным, но и качественно иным. Начать с того, что когда (и если) идеология охватывает общество в целом, она перестает быть идеологией и превращается в некое иное явление, выполняющее главным образом иную функцию, чем чисто идеологическая. Всякая идеология есть совокупность идей, но далеко не всякая совокупность идей есть идеология. Когда власть оказывается единственной целью, средством и ценностью и когда единственной «идеологией» становится идеология власти, «властеидеология», охватывающая все общество в целом, — это уже не идеология.

Идеология, как и государство, и политика, и партия, — явление «частичное», а не тотальное. Чтобы функционировать нормально, идеология должна занимать определенную нишу, быть частью, а не целым. Становясь всеохватывающей, идеология отмирает, превращаясь в набор повседневных правил властно-идейной корректности, в комплекс поведенческих навыков, которые, с одной стороны, выступают как внешний регулятор социального поведения, с другой — как внутреннее средство самоконтроля, самосохранения — социального и даже физического. А. А. Зиновьев метафорически назвал такой комплекс «практической идеологией», но к идеологии в строгом научном смысле это не имеет отношения: идеология, в отличие от «марксистско-ленинской идеологии», не является средством регуляции повседневного поведения, «кусочком Власти», интериоризированной в индивида и «существующей» в нем в качестве «руководящего и направляющего», по крайней мере, в официальных, «системных» ситуациях. И дело здесь не только и даже не столько в различии между идеологией и «идеологией» как между эмпирическими и научными «фактами», а в принципиально, качественно различных содержании и целях, располагающихся в случае «идеологии» не в «частичной» сфере идей, а в сфере общего социального контроля или производственных отношений по поводу духовных объектов — понятий, образов, смыслов. Поэтому термин «идеократия» применительно к комстрою не работает.

Есть еще одно качественное отличие у того, что называют «идеологией» в коммунистических режимах, у «марксистско-ленинской идеологии» от идеологии. Идеология в строгом смысле этого слова, будь то консерватизм, либерализм или социализм, никогда не претендовала на монополию, на ВСЮ ИСТИНУ. И уж тем более она не претендовала на монопольное знание того, что есть справедливость. «Марксистско-ленинская идеология» претендовала на монопольное знание Истины и Справедливости в их нерасчлененности, хорошо передаваемой русским словом «правда». Монопольное обладание Абсолютной Истиной на основе того, что была осознана и понята Историческая Необходимость и оседланы Законы Истории, соответствовало монопольному обладанию властью, не какой-то там частной политической или экономической властью, а властью вообще, вобравшей, втянувшей в себя, подобно «черной дыре», прорве, истину, справедливость, идеи (власть-знание, властезнание) и многое другое. Это уже не идеология и не религия, а отрицание и той и другой в рамках такой целостности, где устраняется, исчезает различие между властью и идеями, знанием; между, выражаясь марксистско-энгельсовским языком, базисом и надстройкой, которые словно сливаются в экстазе. Да, страшно далека идеология от такого феномена. И страшно слаба по сравнению и в конфликте с ним, потому что — «далека от народа», не овладела его массами, а потому не превратилась в «материальную силу».

Тот факт, что сам коммунистический режим идентифицировал и понимал себя в терминах «государство», «идеология», «партия», «право» и т. д., а также то, что западные ученые изучали его с помощью и сквозь призму этих терминов, ничего не значит, тем более что результат налицо: для советского обществоведения, обслуживавшего «власть-знание», реальное теоретическое знание о собственном социуме осталось табу; западные советологи с их

схемами и прогнозами, как это со всей очевидностью выяснилось во время перестройки, попали пальцем в небо. Помимо прочего еще и потому, что использовали неадекватный понятийный аппарат, не слушали Картезиуса, не определяли значения слов.

VI

Приведенный выше анализ адекватности схем и понятий конвенциональной (западной) науки об обществе к советской системе — частный случай, демонстрирующий исходную, имманентную как содержательно, так и идеологически неадекватность этой науки практически всем типам социума, за исключением буржуазного. Анализ коммунистического строя требует особого понятийного аппарата, особого объяснительного и даже описательного инструментария. Использование по отношению к коммунизму терминов «государство», «класс», «бюрократия» и т. п. может быть только метафорическим. За пределами метафорического звучания применение указанных понятий по отношению к явлениям и капиталистического, и коммунистического социумов одновременно ломает понятия и искажает реальность. Трудно ожидать других результатов от использования одних и тех же терминов для концептуализации систем, одна из которых является полным отрицанием другой: надо решить, какие термины мы оставляем за какой реальностью, а для другой начать конструировать новый комплекс понятий. Если признать термины «государство», «класс», «политика», «идеология» адекватными для исследования «исторического коммунизма», то необходимо разработать иные «нишевые» понятия для анализа буржуазного общества. И наоборот. Я думаю — именно наоборот.

Если мы хотим быть радикальными в Марксовом смысле, т. е. идти до сути вещей и не обманывать себя, как сказал бы Ю. В. Андропов, не морочить себе голову в понимании собственного общества, в знании о нем, мы должны найти меру коммунистического строя, определить имманентную ему субстанцию, базовую единицу и на такой основе разрабатывать методологию изучения коммунизма и адекватный ему понятийный аппарат. Эта задача не является изолированной. Она представляет собой неотъемлемый элемент всего комплекса изучения, с одной стороны, некапиталистических и неевропейских обществ, с другой — капиталистической системы как целостности, а не как суммы рынка, гражданского общества и государства, изучаемых сепаратно экономической теорией, социологией и политической наукой.

В обоих случаях речь идет о восстановлении принципов историзма и системности и метода восхождения от абстрактного к конкретному как основополагающих в социально-историческом исследовании и определении на их основе меры и субстанции конкретного изучаемого общества, не помещающегося в объектив тримодальной социальной науки XIX в. Сделать это значительно труднее, чем провозгласить. Действительно, где искать эту меру и субстанцию, секреты той или иной социальной системы? Впрочем, один из русских мыслителей в XX в. уже дал ответ на этот вопрос: «Самые глубокие тайны общественной жизни лежат на поверхности» (Зиновьев, 1991: 1). Нужно лишь научиться видеть их, сколь бы непривычным и некомфортным ни показался мир, который явится без зеленых, как у мудреца страны Оз, очков — в нашем случае капиталоцентричных и европоцентричных очков. Иными словами, как говорил один персонаж русской (советской) истории, кто не слеп, тот видит.

Задача адекватного изучения нашей истории, включая ее неотъемлемый элемент — советско-коммунистическую фазу, — требует прежде всего разработки теории. Разработка эта должна вестись по двум направлениям:

1) жесточайшая методологическая критика как западной науки (прежде всего о незападном мире); разумеется, критиковать необходимо и вульгарно-марксистские советские схемы, но они уже не опасны — *vixerunt*; намного более опасны западные схемы, которые не

просто существуют, но имеют своего «физического» носителя в виде компрадорского сегмента в науке РФ;

2) конкретно-исторический системный анализ реальности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В начале 1990-х годов я назвал персонификатора такой власти «кратократом», а саму такую власть — «кратократией» («власть власти»), см. серию статей в нескольких номерах журнала «Социум» в 1991 г. (Фурсов, 1991).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Девятая сессия Верховного Совета СССР (девятый созыв) (1978) : стенографический отчет. М. : Издание Верховного Совета СССР. 253 с.

Зиновьев, А. А. (1991) Эффект системности // Хенкин К. Охотник вверх ногами. М. : Терра. 320 с. С. 1–6.

Зюганов, Г. А. (1992) Снова у нас правят бал негодяи и предатели (из выступления на митинге 17 марта 1992 г.) // Литературная газета. № 13. 25 марта. С. 11.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные Законы) Союзных Советских Социалистических Республик. (1985) М. : Известия Советов народных депутатов СССР. 744 с.

Конституция общенародного государства (1978) / под общ. ред. К. М. Боголюбова, М. С. Смирнова. М. : Политиздат. 247 с.

Коротич, В. А. (1992) Другой выход (интервью Е. Додолеву) // Столица. № 15. С. 6–8.

Крылов, В. В. (1972) Три типа восточных обществ (пастухи, земледельцы, посредники) : неопубликованная рукопись. 18 с. (предоставлена мне автором).

Общая теория советского права (1966) / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. М. : Юридическая литература. 491 с.

Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. (1932) № 71. М. : Н.К.Ю. 8 с.

Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. (1934) № 43. М. : Н.К.Ю. 8 с.

Соловьев, Э. Ю. (1983) От теологического к юридическому мировоззрению (проблема церкви, государства и права в эпоху ранних буржуазных революций) // Философия эпохи ранних буржуазных революций. М. : Наука. 584 с. С. 159–256.

Стенограмма заседания «Комиссии по расследованию причин и обстоятельств государственного переворота» на тему: «О роли репрессивных органов в государственном перевороте 19–21 августа 1991 г.» (1992) М. (рукопись).

Стенограмма парламентских слушаний «Комиссии по расследованию причин и обстоятельств переворота» на тему: «Незаконная финансовая деятельность КПСС». (1991) М. (рукопись).

Устав КПСС. (1986) М. : Политиздат. 31 с.

Фурсов, А. И. (1991) Кратократия // Социум. № 8–12.

Фурсов, А. И. (1992) Великая тайна Запада: формационное и цивилизационное в становлении европейского исторического субъекта // Европа: новые судьбы старого континента : в 2 ч. М. : ИНИОН РАН. Ч. 1. 178 с. С. 13–70.

Юридический словарь (1953) / под ред. С. Н. Братуся и др. М. : Госюриздат. 781 с.

Daalder, H. (1987) European Political Traditions and Processes of Modernization: Groups, the Individual, and the State // Patterns of Modernity / ed. by S. N. Eisenstadt. N. Y. : New York University Press. Vol. 1: The West. 185 p. P. 22–43.

Downing, B. (1988) Constitutionalism, Warfare, and Political Change in Early Modern Europe // Theory and Society. Vol. 17. No. 1. P. 7–56.

Downing, B. (1989) Medieval Origins of Constitutional Government in the West // Theory and Society. Vol. 18. No. 2. P. 213–247.

Eisenstadt, S. (1963) *The Political Systems of Empires*. L. : The Free Press of Glencoe. 524 p.

Eisenstadt, S. (1980) *Comparative Analysis of State Formation in Historical Context* // *International Social Science Journal*. Vol. 32. No. 4. P. 624–654.

Eisenstadt, S. (1987) *European Civilization in a Comparative Perspective : A Study in the Relations Between Culture and Social Structure*. Oslo : Norwegian University Press ; Oxford ; N. Y. : Oxford University Press. 162 p.

Pettengill, J. S. (1979) *The Impact of Military Technology on European Income Distribution* // *The Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 10. No. 2. P. 201–225.

The Social Science Encyclopedia (1985) / ed. by A. Kuper and J. Kuper. L. ; Boston : Routledge & Kegan Paul. 916 p.

Zolberg, A. (1980) *Strategic Interactions and the Formation of Modern States: France and England* // *International Social Science Journal*. Vol. 32. No. 4. P. 687–716.

Дата поступления: 30.08.2014 г.

*THE SOVIET SYSTEM AND THE POVERTY OF POLITICAL SCIENCE
(THE USSR IN THE LIGHT OF SOME POLITICAL SCIENCE SCHEMES)*

A. I. FURSOV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, INSTITUTE OF SYSTEM-STRATEGIC ANALYSIS, MOSCOW)

The article deals with the problem of applicability of basic concepts and schemes of Western political science, such as “new class”, “state-class”, “state-party”, “partocracy”, to the Soviet society. Basic concepts and theories of Western social science as a whole, and those of political science in particular, have been formed as a reflection of a certain type of reality — of the bourgeois Western European one. An immanent feature of this reality is a clear-cut distinction between economic, social, and political spheres, between power and property, between religion and politics etc. This kind of distinction has determined both the disciplinary structure and the conceptual language of modern social science. But can these concepts and disciplines which reflect only the reality of the bourgeois core of capitalist system be applied, firstly, beyond this core; and secondly, to non-capitalist systems, be it pre-capitalist ones or systemically anti-capitalist (the USSR)?

Mainstream Western political science insists on its universal character as a discipline, but such a position contradicts the principles of system analysis, historicism, and dialectics. The insistence on the universality of Western-centric and capital-centric social science is, in fact, an intellectual correlation of the expansion (“universalization”) of capital and the establishment of its political and economic domination on the world scale. In a paradoxical way, this insistence ignores the fact that practically all attempts to depict and describe noncapitalist systems using the conceptual language of capital-centric scholarship have failed. Such failure is especially evident in the attempts to conceptualize Soviet society in the terms of Western political science.

The interpretation of the Soviet dominant, system-forming group — the nomenklatura — as a “class”, a kind of counterpart of the bourgeoisie in capitalist society, is undermined by the fact that the nomenklatura had no ownership of the material factors of production. “Property” (“class”) qualities and functions here are not separated from the ones of “power”. An ad hoc term “state-class” is acceptable as a partial solution only from a descriptive and metaphorical point of view.

The same is also true for the notion of “etatization” of historical communism. First, the phenomenon known as the “Soviet state” was not just a primary “property-holder”, but it was the only “property-holder”, which is in principle atypical for the state as a specific institution. Secondly, the state is a “partial” phenomenon by definition; it exists as an integral part of such oppositions as “state — class”, “state — civil society” etc. If the state encompasses the whole society and dissolves it in itself, it is being transformed into a different, non-state type of power.

Attempts to “politicize” Soviet society (in line with the scheme of “politics dominating over economy”) or to interpret it as a system headed by a “partocracy” fail in a similar way.

If politics is something more than just a struggle for power, if we analyze it according to the principles of system analysis and historicism, then politics is a very special sphere. Its function is the re-

gulation of extra-economic relations of nonproduction type between agents which are also subjects. There can be no political relations between a slave and a slave owner, between a serf and a feudal lord. The CPSU was the only subject in Soviet society (membership in the party was in fact the right to be a part of this collective subject): hence, the relations of the CPSU with the population and other organizations were not of a political nature. Moreover, other organizations could exist in Soviet society only if they acknowledged the exclusive monopoly of the CPSU on this subject status.

The term “party” derives from “pars” (“part”). A party is a partial, political, and legal phenomenon. The CPSU was an all-embracing, nonpolitical, and extralegal phenomenon. That is why the term “partocracy” can only serve as a metaphor.

An adequate analysis of the Soviet system demands the construction of a theory and a discipline which would reflect the nature of this society. Conceptual interpretations which reflect other systems, but nevertheless are forcefully applied to the USSR are counterproductive and lead researchers into a deadlock.

Keywords: historical communism, systemic anticapitalism, new class, state-class, state-party, partocracy, Soviet system, Soviet society.

REFERENCES

Deviataia sessiia Verkhovnogo Soveta SSSR (deviatyi sozyv) [The Ninth Session of the Supreme Soviet of the USSR (The Ninth Convocation)] (1978) : a shorthand report. Moscow, Verkhovnyi Sovet SSSR Publ. 253 p. (In Russ.).

Zinoviev, A. A. (1991) Effekt sistemnosti [The System Effect]. In: Khenkin, K. *Okhotnik vverkh nogami* [A Hunter Head over Heels]. Moscow, Terra Publ. 320 p. Pp. 1–6. (In Russ.).

Zyuganov, G. A. (1992) Snova u nas praviat bal negodiai i predateli (iz vy-stupleniia na mitinge 17 marta 1992 g.) [Scoundrels and Traitors Run the Show in Our Country Again (From the Address at the March 17, 1992 Public Rally)]. *Literaturnaia gazeta*, no. 13, March 25, p. 11. (In Russ.).

Konstitutsiia obshchenarodnogo gosudarstva [The Constitution of the All-People's State] (1978) / ed. by K. M. Bogolyubov and M. S. Smirnyukov. Moscow, Politizdat Publ. 247 p. (In Russ.).

Konstitutsiia (Osnovnoi Zakon) Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. Konstitutsii (Osnovnye Zakony) Soiuznykh Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Constitution of the USSR. Constitutions of Constituent Republics of the USSR]. (1985) Moscow, Izvestiia Sovetov narodnykh deputatov SSSR Publ. 744 p. (In Russ.).

Korotich, V.A. (1992) Drugoi vykhod (interv'iu E. Dodolevu) [Another Solution (An Interview to E. Dodolev)]. *Stolitsa*, no. 15. (In Russ.).

Krylov, V. V. (1972) *Tri tipa vostochnykh obshchestv (pastukhi, zemle-del'tsy, posredniki)* [Three Types of Eastern Societies (Shepherds, Farmers, Mediators)] : unpublished manuscript. 18 p. (In Russ.).

Obshchaia teoriia sovetskogo prava [A General Theory of Soviet Law] (1966) / ed. by S. N. Bratusya and I. S. Samoshchenko. Moscow, Iuricheskaiia literatura Publ. 491 p. (In Russ.).

Sobranie zakonov i raspriazhenii Raboche-krest'ianskogo pravitel'stva RSFSR [A Collection of Statutes and Directives of the Workers and Peasants' Government of the RSFSR]. (1932) No. 71. Moscow, N.K.Iu. Publ. 8 p. (In Russ.).

Sobranie zakonov i raspriazhenii Raboche-krest'ianskogo pravitel'stva RSFSR [A Collection of Statutes and Directives of the Workers and Peasants' Government of the RSFSR]. (1934) No. 43. Moscow, N.K.Iu. Publ. 8 p. (In Russ.).

Soloviev, E. Yu. (1983) Ot teologicheskogo k iuridicheskomu mirovozzreniiu (problema tserkvi, gosudarstva i prava v epokhu rannikh burzhuaznykh revoliutsii) [From a Theological to a Legal World-view: The problem of the Church, State and Law in the Period of Early Bourgeois Revolutions]. In: *Filosofia epokhi rannikh burzhuaznykh revoliutsii* [Philosophy of Early Bourgeois Revolutions]. Moscow, Nauka Publ. 584 p. Pp. 159–256. (In Russ.).

Stenogramma zasedaniia «Komissii po rassledovaniiu prichin i obstoiatel'stv gosudarstvennogo perevorota» na temu: «O roli repressivnykh organov v gosudarstvennom perevorote 19–21 avgusta 1991 g.» [A Shorthand Report of the Meeting of the Enquiry Commission on the Causes and

Circumstances of the Coup on the Topic “On the Role of Repressive Agencies in the Coup-d’etat of August 19–21, 1991”]. (1992) Moscow. Working materials of the commission. (In Russ.).

Stenogramma parlamentskikh slushanii «Komissii po rassledovaniyu prichin i obstoiatel'stv perevorota» na temu: «Nezakonnaia finansovaiia deyatel'nost' KPSS» [A Shorthand Report of Parliamentary Hearings of the Enquiry Commission on the Causes and Circumstances of the Coup on the Topic “Illegal Financial Activity of the Communist Party of the Soviet Union”]. (1991) Moscow. Working materials of the commission. (In Russ.).

Ustav KPSS [The Charter of the CPSU]. (1986) Moscow, Politizdat Publ. 31 p. (In Russ.).

Fursov, A. I. (1991) *Kratokratia* [Cratocracy]. *Sotsium*, no. 8–12. (In Russ.).

Fursov, A. I. (1992) *Velikaia taina Zapada: formatsionnoe i tsivilizatsionnoe v stanovlenii evropeiskogo istoricheskogo sub'ekta* [The Great Mystery of the West: The Formational and the Civilizational in the Making of the European Historical Subject]. In: *Evropa: novye sud'by starogo kontinenta* [Europe: New Destinies of the Old Continent]: in 2 vols. Moscow, Publ. House of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS. Vol. 1. 178 p. Pp. 13–70. (In Russ.).

Iuridicheskii slovar' [A Dictionary of Law] (1953) / ed. by S. N. Bratusya et al. Moscow, Gosizdat Publ. 781 p. (In Russ.).

Daalder, H. (1987) European Political Traditions and Processes of Modernization: Groups, the Individual, and the State. In: *Patterns of Modernity* / ed. by S. N. Eisenstadt. N. Y.: New York University Press. Vol. 1: The West. ix, 185 p. Pp. 22–43.

Downing, B. (1988) Constitutionalism, Warfare, and Political Change in Early Modern Europe. *Theory and Society*, vol. 17, no. 1, pp. 7–56.

Downing, B. (1989) Medieval Origins of Constitutional Government in the West. *Theory and Society*, vol. 18, no. 2, pp. 213–247.

Eisenstadt, S. (1963) *The Political Systems of Empires*. London, The Free Press of Glencoe. 524 p.

Eisenstadt, S. (1980) Comparative Analysis of State Formation in Historical Context. *International Social Science Journal*, vol. 32, no. 4, pp. 624–654.

Eisenstadt, S. (1987) *European Civilization in a Comparative Perspective: A Study in the Relations Between Culture and Social Structure*. Oslo, Norwegian University Press; Oxford; New York, Oxford University Press. 162 p.

Pettengill, J. S. (1979) The Impact of Military Technology on European Income Distribution. *The Journal of Interdisciplinary History*, vol. 10, no. 2, pp. 201–225.

The Social Science Encyclopedia (1985) / ed. by A. Kuper and J. Kuper. London; Boston, Routledge & Kegan Paul. xxviii, 916 p.

Zolberg, A. (1980) Strategic Interactions and the Formation of Modern States: France and England. *International Social Science Journal*, vol. 32, no. 4, pp. 687–716.

Submission date: 30.08.2014.

Фурсов Андрей Ильич — кандидат исторических наук, директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, директор Института системно-стратегических исследований, академик Международной академии наук (г. Инсбрук, Австрия), член Союза писателей России. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-59-61. Эл. адрес: rusint@bk.ru

Fursov Andrey Ilyich, Candidate of History, Director, Centre for Russian Studies, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Director, Institute of System-Strategic Studies; Member, International Academy of Science (Innsbruck, Austria); Member, Union of Writers of Russia. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-59-61. E-mail: rusint@bk.ru